

Игорь Волгин

«Се – двадцать первый продвинутый век...»

* * *

К ночи, когда понесут трепачи
умные вздоры,
превозмогая усталость, включи
ящик Пандоры.

Не донесется с полуденных стран
песня Хафиза,
но без усилий проломит экран
грудью Анфиса.

И во дворе, где с утра поддавал,
меряя граммы,
четырёхлетнюю тащит в подвал
зритель программы.

Будет сулить нам блага имярек,
ржачку – каналы.
Се – двадцать первый продвинутый век
входит в анналы.

Здесь под фанеру вопит педераст,
млея от страсти,
и, на иное ничто не горазд,
ластится к власти.

И, не боясь угодить на скамью,
сердцем не жесток,
не торопясь вырезает семью
трудный подросток.

Нам растолкуют, что твой Пуаро,
просто и прытко,
как пронесила, спускаясь в метро,
бомбу шахидка.

И генерал, что страну известил
об инциденте,
не утаит, сколько весил тротил
в эквиваленте.

...Милая, выруби этот дурдом.
Дуй за заначкой.
Или еще перечти перед сном
«Даму с собачкой».

* * *

Как обычно, с шести до семи
по бульвару, что льнет к переулку,
человек, не заведший семьи,
не спеша совершает прогулку.

Он по моде пострижен, побрит
и спасаем кашне от микробов.
Но пальто дорогое сборит
и, сдается, не чищена обувь.

О свобода от тягостных уз,
от житейской рутины и прозы!
О счастливец, не дующий в ус,
обожаящий метаморфозы!

Он проходит наш бедный сыр-бор
без малейшей обиды и злости,
не имея в сей жизни опор
никаких, кроме собственной трости.

Дни туманней, и даль золотей.
И, усевшись под вянущей ивой,
на играющих шумно детей
он взирает с тоскою брезгливой.

Мир прекрасен, не ясен итог.
И «жигуль» никому не завещан.
И глядит он, жалея чуток
всех его не приветивших женщин.

И, поднявшись легко со скамьи
(благо небо немного поблекло),
человек, не заведший семьи,
не спеша направляется в пекло.

* * *

Отец уже три года не вставал.
Родня, как это водится, слиняла.
И мать, влачась, как на лесоповал,
ему с усиьем памперсы меняла.

Им было девяносто. Три войны.
Бог миловал отсиживать на нарах.
Путевка в Крым. Агония страны.
Бред перестройки. Дача в Катуарах.

И мать прjala так долго эту нить
лишь для того, чтоб не сказаться стервой, –
чтобы самой отца похоронить.
Но вышло так – ее призвали первой.

И, уходя в тот несказанный край,
где нет ни льгот, ни времени, ни правил,
она шепнула: «Леня, догоняй!» –
и ждать себя отец мой не заставил.

Они ушли в две тысячи втором.
А я живу. И ничего такого.
И мир не рухнул. И не грянул гром –
лишь Сколковым назвали Востряково.

* * *

А дни впереди все короче,
а тень позади все длинней.
И нет ни желанья, ни мочи
разглядывать, что там за ней.

Ты думал, что ты астероид,
как свет, воссиявший в ночи.
Но жизнь тебя быстро уроет,
стучи на нее – не стучи.

И совесть тебя до могилы
преследовать будет, как тать.
Но нет ни охоты, ни силы
печальные строки смывать.

Но нет ни ума, ни умения,
спасая посмертную честь,
казаться в глазах поколенья
и лучше, и чище, чем есть.

Что было – проносится мимо
и тает в дали голубой.
И прошлое непоправимо,
о Господи, даже Тобой.

Я плод Твоего пощенья,
ввергаемый в этот бедлам.
Но Мне, – Ты сказал так, –
отмщенье,
и Аз – будь спокоен – воздам.

Москва

